

Вечерняя Москва. 2006. - 19 янв. - С. 30-31.

КОРЯВОЕ ОБАЯНИЕ РОССИИ

В «Доме Нащокина» открывается персональная выставка Владимира Любарова. И хотя этот художник только начинает обретать заслуженную славу, уже очень многие сразу узнают его необыкновенные персонажи. Это жители деревни Перемилово, где он живет сам и где поселил среди простых русских мужиков и баб и сказочных великанов, и обладателей бороды-самобранки, и романтических влюбленных. И даже евреев — так простая северная деревня вдруг превратилась в райское еврейское местечко...

Его картины продолжают традицию «сказочного реализма», напоминая о Шагале, Анри Руссо, смешивая традиции русского лубка и французского модерна. И все это вдохновлено простой русской деревушкой, куда художник сбежал от московской суеты уже во вполне зрелом возрасте. Теперь название Перемилово перешагнуло пределы России — были выставки в Германии, Бельгии, Швейцарии, предстоят в Китае и Англии...

А началось все с журнала «Химия и жизнь», где Любаров работал до 90-х годов, после чего основал с друзьями издательство «Текст». Такой краткой биографической справки вполне достаточно, ибо художник сам охотно делится подробностями.

На столе в мастерской Любарова — целая батарея непотчатых бутылок водки. Приглядываюсь — и узнаю его героев на наклейках.

Водка, карты, искусство

— Двенадцать бутылок водки с вашими героями на этикетках! Целый мир для любителей выпить. Как вы-то дошли до такой жизни?

— А все началось с календаря. Выпустили календарь с моими картинками: 12 месяцев — 12 картин. Увидел его директор по маркетингу компании «Русский алкоголь» господин Касьянов и говорит: «А давай-ка выпустим так водку, чтобы на каждый месяц — по этикетке». Как вы понимаете, идея мне сразу понравилась. Несколько дней назад получил я 12-ю бутылку.

— Последнюю...

— А вот и нет — есть еще тринадцатая! Между прочим, число тринадцать для меня — счастливое. Я на тринадцатом этаже жил, тринадцатого защищал диплом. Помню, 13-го числа открывал выставку в 13-м зале ЦДХ... Так что и эту идею радостно поддержал. А картинка выбрана простая — дед Мороз со Снегурочкой. Видите, сидят в чистом поле, на снегу, и пьют за Новый год. Подарки то ли не донесли, то

ли уже все раздали. А вдалеке — ночная деревня...

Хотя вообще-то лично я выпиваю редко. Водочная тема живет у меня потому, что в деревне Перемилово, которую я воспеваю, день без водки считается напрасно прожитым.

— А в Перемилово знают о появлении фирменной «любаровки»? Ждут, наверное?

— Нет, там я пока скрываю, как раз потому что деревня сильно пьющая. Не знаю, сколько удастся скрывать — ведь водка эта, как мне сказали, продается по всей России... Хотя я, например, на прилавках ее не видел. Тут, впрочем, особая система: в ящик привычной водки кладется только одна с моей этикеткой. И если вы придете в магазин и скажете: «Дайте мне водку с картинкой Любарова» — вам скорее всего ее не продадут. Или весь ящик берите!

— А на стене приколплены игральные карты — и тоже с вашими картинками. Вы становитесь сторонником прикладного искусства?

— Знаете, я иногда могу даже и деловым человеком показаться. А на самом деле просто плыву по течению. Предложили сделать водку — сделали мы водку. И с картами та же история. Это была не моя идея, хотя я и ее тоже сразу подхватил. Зато все мои знакомые теперь играют в карты, которые нарисовал я!

— А как же книжные иллюстрации? Совсем забыли?

— Если серьезно — книга для меня, конечно же, важнее и водки, и карт. Могу сказать, что сейчас в издательстве «Текст» готовится много томик Виктора Конецкого с моими работами. Там же выйдет и Шолом-Алейхем, и Исаак Башевис Зингер, иллюстрации к которым — моя серия «Еврейское счастье». А совсем недавно вышла книга Людмилы Улицкой «Детство сорок девять» — там иллюстрации из моей серии «Город Шипок». Тут счастливое совпадение случилось: детство Улицкой совпало с моим ощущением. Эту книгу с моими картинками выпустил даже парижский книжный дом «Галлимар».

В деревню, в глушь! В Перемилово

— А как возникло желание уехать в деревню? Вы ведь московский интеллигент, были преуспевающим книжным иллюстратором...

— Было это в 91-м году. Я был очень политизированным человеком, не отрывался от телевизора, следил за всеми новостями. И при этом еще и организовывал с друзьями первое в России частное издательство «Текст». И вдруг подумал: а моя-то жизнь где? Я хочу от всего этого сбежать! И решил: надо купить в деревне дом! Но, в общем, пока еще не серьезно решил. А тут мне говорят: в деревне Перемилово продается дом, как раз то, что тебе нужно. Ехали часов пять, по ужасным дорогам. Дом кособоким, потому что строил его тоже московский интеллигент, историк, ему тоже хотелось от всего сбежать. Это был первый и единственный дом в его жизни, и он его мне продал. Телевизор там не принимает, «Эхо Москвы» не ловится. Слышно только радио «Свобода», и то еле-еле.

Там люди не врут. То есть врут, если только просят бутылку. Прожив там год и приехав в Москву, я понял, как ложь пронизывает всю нашу жизнь.

Конечно, круто менять все было страшно. У меня ведь жена, ребенок... Да и в «Тексте» я очень прилично зарабатывал. Попробуйте-ка отказаться от всего этого! И все-таки я себя заставил поехать в деревню. В книге я себя к тому времени исчерпал, стал повторяться... Сейчас много чего можно сказать, но это был совершенно иррациональный шаг. И, как впоследствии оказалось, абсолютно правильный. Стоит мне выехать в деревню — и я отрываюсь от всего, существуют только мир, я и холст. Прежде я к Вольтеру картинку рисовал — а теперь нашел своего героя, и свои истории сочиняю сам.

— В московских тусовках бродят слухи, что вы и Владимира Войновича перетаскивали в Перемилово и теперь ходите друг к другу в гости.

— Ну, нет. Человек обрастает мифами!

— А как же ваши забавные портреты Войновича под деревом, любующегося лежащей обнаженной красоткой, и его статьи в вашем альбоме?

— Он в гости приезжал. Причем только раз. Его там слепни сожрали, так он все проклял и уехал.

Перемилово — Перемиловом, а я сейчас стал уже таким домовладельцем. Купил другой дом, в деревне по соседству, но покрупнее — в Мяхинине. И охраняет его деревенский староста. Потому что дом в Перемилово каждую зиму грабят. Одного вроде нашли и посадили, и я уж подумал: все, теперь можно жить в любимом Перемилово спокойно. А на следующую зиму опять обокрали.

Правда посильнее шутки

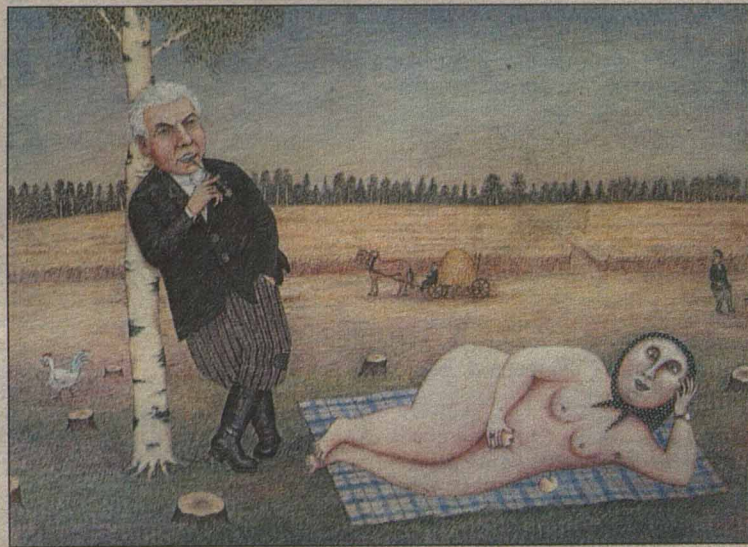
— Вы начинали как книжный иллюстратор, причем авторы, которых вы иллюстрировали, четко выстраиваются в один какой-то романтически-готический ряд: Распэ с «Мюнхгаузеном», Рабле,

Проверка документов. 2001, холст, масло

Праздник Пурим. 2002, холст, масло

Владимир Войнович в деревне Перемилово. Писатель и его муза. 1997, бумага, смешанная техника

Любаров Владимир

Эдгар По, Гофман... Вы сами выбирали?

— Только несколько книг. Издательство «Изобразительное искусство» давало такую возможность. Выбрал я Вольтера и Мюнхгаузена, остальное — заказы. Но соглашался, только если знал, что подберу ключик. А это дело непростое.

Вот, например, давно хотел я сделать еврейскую серию. Моя бабушка родом из еврейского местечка, она мне много потрясающих историй рассказывала о той жизни. И периодически начинал: то какие-то библейские сюжеты брал, то Шолом-Алейхема... Но стоило мне поселить моих еврейских персонажей в деревню Перемилово — и они зажили. И в своей мифологической среде остались, и реальную плоть обрели. И я понял, что ключик к теме нашел! Так же и с книгами.

— Но тема русской деревни весьма далека от любой фантастики. Что ассоциируется с деревней? Шишкин, Саврасов...

— Ни с тем, ни с другим у меня ничего общего нет. Они любовались природой — а я открываю для себя новый мир. Художник вообще должен творить свой мир. Он это и делает, а потом его спрашивают: а чего это вы убегае в деревню?

— А сейчас часто посещает желание убежать в деревню?

— Каждый день оно меня посещает.

— Известность не радует?

— Хочется спокойной жизни. А для этого она должна быть обеспечена финансово. Известность мне нужна, чтобы я знал: мне больше не придется ходить с протянутой рукой. У меня в жизни такое было. Детство я провел на Щипке, в коммунальной квартире, в проходной комнате вчетвером. С вонючим коммунальным туалетом. Тогда

все это казалось нормальным, так жили многие, и не могу сказать, что сильно из-за этого страдал. Но все равно это коммунальное детство тянется за тобой всю жизнь. Та же «Деревня Перемилово» — продолжение моей коммуналки на Щипке.

— И как же из такого земного реализма вырос образ полуфантастической деревни? Бродящая деревушка — но волей художника в ней происходят чудеса: наводнения, потопа, великаны танцуют танго «Кумпарси-та», романтические и эротичные свидания в мокрых рощицах...

— Знаете, я вообще-то к искусству всегда относился как к чуду. И к жизни тоже. Я очень наивный человек. Раньше даже стеснялся этого — мне казалось, что в жизни надо быть более циничным. Почему чудеса? Наверное, вижу так. И потом, я ведь не бытописатель. Мне важен другой слой, не внешнее сходство. Кто-то про мои картины скажет: ну, это какая-то неправда, фантастика. А по-моему, это как раз и есть реализм!

Помню, на выставку «Еврейского счастья» пришел как будто мой персонаж — с длинным-предлинным еврейским носом. И возмущенно спрашивает: ну где вы видели такие лица?! Я нагло посоветовал ему посмотреть в зеркало... Мне тут как-то попался афоризм Бернарда Шоу: «Мой способ шутить — это говорить правду».

Я воспитан на русском лубке. В детстве копался в мусорных куках, выискивал какие-то картинки совсем простые, чайники расписанные... Мне очень нравилось примитивное искусство. Это ведь все не так просто. Эти художники таким образом выражают свое видение мира. Один человек мне

сказал: «Вы рисуете корявое обаяние России».

— Поясните, что это такое.

— Это как забор — в Германии, Бельгии, Франции он всегда ровный, правильный и скучный. А в русской деревушке — обязательно кособой, кривой, но в нем видна живая душа!

— Какие художники повлияли на вас?

— Да все великие примитивисты. И знаменитый Таможенник Анри Руссо, и хорватский художник Иван Генералич. Наш русский художник Никифоров. Наивное искусство может открыть другую, неожиданную правду о мире.

Русская красавица по Любарову

— Семья Любаровых пополняется. Недавно у вас родился внук...

— От первого брака он еще три года назад родился. А второму внуку — только годик. Но дочке это, видимо, так понравилось, что она уже носит второго. Няньчиться, конечно, придется дедушке...

— А как же бабушка? Будет переводить голландские книги?

— Бабушка — замечательный переводчик с нидерландского. И писательница. Но сейчас увлеклась журналистикой, работает главным редактором журнала «Аэрофлот». И журнал стал совсем другой, с человеческим лицом.

— В «Тексте» мне сказали, что русские красавицы на ваших картинах — всегда портреты вашей жены.

— Правильно сказали. Жена у меня и правда красавица. Но не сравнивайте с прототипом — не узнаете. Это портреты внутренние.

Гусь и свинья

— Что вам не нравится в современной жизни?

— Не нравится, что у нас по телевизору теперь только одна точка зрения. На все! Хотя, похоже, цензура коснулась пока только телевидения...

— А проблемы с прежней цензурой у вас были?

— Конечно. Ведь я же книги оформлял. То начальство шестиконечные звездочки в небе прикажет заменить на пятиконечные. А тут другой начальник скажет, что пятиконечные тоже никак нельзя — чтобы ассоциаций нехороших не было... Цензура была тотальная. Идеология пронизывала все.

Журнал «Химия и жизнь», в котором я начинал, был под большим подозрением. Один художник нарисовал картинку: в грузовике гусь со свиньей везут какие-то аминокислоты. А дело было к съезду партии. И вот кто-то из мелких начальников решил выслужиться и поставил подпись: «Навстречу съезду!» Тут заметили, что свинья похожа на Хрущева, а гусь на Брежнева.

— И гусь, естественно, свинье не товарищ...

— А тираж у нас был полмиллиона! И нас тогда вызвали срочно, и из каждого экземпляра мы долго и тупо вырывали эту самую страницу. А потом Александров, президент Академии наук, объявил выговор лично мне — как главному художнику, ведь журнал-то был Академии наук... Это был первый и последний выговор в моей жизни. А через несколько лет несколько сотрудников и я ушли создавать издательство «Текст», которое здравствует по сей день...

— И где вы великолепно проиллюстрировали первое в Рос-

сии собрание сочинений братьев Стругацких. Вопрос к вам как к специалисту: почему после десяти лет забвения именно сейчас серьезные художники вновь обращаются к их произведениям, причем выбирают самые мрачные антиутопии — «Трудно быть богом», «Гадкие лебеди»?

— Антиутопия начинается там, где заканчиваются иллюзии. Вот мы вспомнили 91-й год и мое бегство в деревню. А между тем как раз тогда я был полон иллюзий, что тоталитарная система рухнула, и наступит жизнь прекрасная и свободная. Сейчас наступило отрезвление, и сразу ожили страхи тоталитарного общества: что государство с вами может сделать что угодно, схватить и посадить. У меня в «Городе Щипок» тоже звучат антиутопические нотки. Например, картина «Очердь» датируется 1998 годом, это сразу после дефолта, когда в Перемилово разом исчезли все продукты... Тогда я и понял, что прошлое вернуть совсем не сложно. Сначала исчезают продукты, потом люди, или наоборот...

— Вы говорили, что были политизированы. А сейчас? Если бы какой-нибудь арт-критик принял старательно разыскивать в ваших перемиловских лубках современные политические аллюзии — вам бы это понравилось?

— Да, тем более что они там есть! А политизированным я остаюсь до сих пор. И по-прежнему слушаю «Эхо Москвы».

— Так теперь в Перемилово ловится «Эхо Москвы»?

— Ни черта там до сих пор не ловится. «Эхо» я слушаю уже в Мякинине.

Беседовал
Дмитрий САВОСИН

Летят журавли. 1996, бумага, цветной карандаш, пастель